

Нижеследующий рассказ представлен на конкурс «ФантЛабораторная работа – 2010». Автор рассказа – Анатолий Быстрицкий – пользователь сайта «Лаборатория фантастики» под ником «А.Б.» (<http://fantlab.ru/user36202>).

Рассказ написан с 5 по 15 июля 2010 г. на конкурсную тему «Общество избытка против общества дефицита: ближайшая перспектива».

Данный вариант является оригинальным и незначительно отличается от конкурсного в сторону увеличения объема.

Узнать, как делался рассказ, вы можете по адресу <http://fantlab.ru/blogarticle9435>.

Брат Шахрукх

Все участники моей истории мертвы, я наконец решила рассказать ее.

Мой отец имел вес в обществе. Он заслужил своим трудом такое уважение, что был вхож в дома к вампирам. На мои вопросы, как он этого достиг, он отвечал: «Ты не хочешь знать».

В те сутки нам была оказана огромнейшая честь присутствовать у графа посередине дня. Куда мы едем, я узнала, лишь когда автомобиль остановился у крыльца особняка. Зачем приехали, не понимала, даже когда в злато-красной комнате без окон отец разложил перед графом в пижаме коллекцию джинсов.

Граф получил в Варанаси концессию на несколько текстильных производств, но, очевидно, не гнушался приторговывать продукцией кустарных мастерских. Я испытывала гордость за отца: он – вольный человек, простой портной – и выбился к вампирам.

Отец был исключением среди людей, раз мог вот так приехать напрямик из резерваций в город и тем более вести с вампиром разговор почти на равных. Граф слушал и молчал. У отца кончались доводы, и он впадал в отчаяние.

– Надень, – он бросил вещь в меня через полкомнаты.

Я поймала и за ширмой натянула джинсы на свою еще девчоночью фигуру. Острые колени вылезли из дыр наружу. Джинсы в сочетании с чоли выглядели симпатично. Вышла из-за ширмы.

– Смотрите, граф, – сказал отец. – Вы создадите моду. Сейчас последний шик в кулинарии – кровь с добавлением суставной жидкости. Дайте людям подчеркнуть их статус донора. Пусть открытые колени станут знаком. Вампирам предложите наносить на джинсы личные гербы. Пусть покажут, кто хозяин донора синовиальной жидкости. Вы обречете товар на успех.

Граф разглядывал товар на мне. Полыхающие в глубине глаза смотрели на мои колени и нередко выше. Я смущалась и хотела, чтобы он смотрел в лицо.

– Она будет моим донором? – спросил граф про меня и на решительный отказ отца не возразил.

Они договорились.

После этого отцовская мануфактура стала притчей во языцех. Прежде в нашей резервации никто не поставлял товары в город. Небогатые, зато счастливые, мы жили сами по себе. Перипетии вампирского роскошествующего мира не затрагивали нас. Отец шил прочную, хорошую одежду для людей. Стал – для вампиров драную.

Теперь он пропадал с утра до ночи в городе. Я томилась и дома и в школе. Швей трудились без отдыха. Лавка без отца стояла запертой. Один только Шахрукх по-

прежнему орудовал на свежем воздухе чугунным утюгом на углях. Я любила старика, как деда, восхищалась, как отцом.

Сколько помню себя – столько помню Шахрукха на этом же месте. Здесь, у россыпи углей за цехом, старик играл со мной когда-то в куклы. Здесь же гладил всё, что шил отец, и в свободное время, за медную денежку, – вещи других. Отец велел не отвлекаться больше на чужие «тряпки» и утюжить только джинсы с дырками.

Старик старался. Особенно забавно было наблюдать, как по утрам он разжигает угли: скрючится на четвереньках, припадет к золе – и ну надувать щеки. В последние годы ему не хватало дыхания. Он звал меня, и вместе мы могли раздуть пожар.

Глядя на дряхлость Шахрукха, я думала: как же он горд. Он столько лет служил вампиру, но остался человеком, выбрал наше бремя смерти.

За это его осуждали. Сын одной торговки высказал однажды:

– Ты дурак, что не стал кровососом.

– Шахрукх не предатель! Ты за предателей? – вмешалась я. – Всё расскажу твоей маме!

Старик ответил нам обоим:

– Я люблю себя. Любовь не вечна, а вампиры – вечны. Не хочу в конце концов себя возненавидеть. Ты, сынок, так матушке и передай.

На этом разговор закончился, и озадаченный наглец ушел.

Всех удивляло, почему Шахрукх всегда носил один и тот же черный трепаный вампирский балахон. Отец неоднократно предлагал ему в подарок новую одежду:

– Куплю тебе, что хочешь.

За три года, что прошли с той встречи с графом, у отца скопилось предостаточно серебряных монет. Вампиры их чеканили специально для расчетов с резервациями, вроде нашей. В городах торговали за золото, людям почти недоступное. «Нам платят ядом», – говорил Шахрукх.

Людей серебро отравляло по-своему. Мне кажется, иммунитетом обладали лишь старик и я. К несчастью, не мой отец. Вампирская отравка сделала его объектом зависти и подражания. До него никто у нас не думал продавать вампирам что-то, кроме собственных жизненных соков. Ныне люди бредили идеями, что мастерить для горожан. Отец болезненно переживал за монополию своей торговли.

Он сделался невыносимым. Швеи, бедные женщины, давно не смели молвить слово перед ним. Я засветло ложилась спать, чтоб не встречать его, и ускользала в школу на заре, пока спал он. Один Шахрукх, казалось, ничего не замечал и гладил.

– Если я не обожгусь, монеты за неделю не получишь, – сказал отец Шахрукху как-то в воскресенье.

Отставив утюг, дед раскладывал джинсы для глажки. Отец лизнул указательный палец, прижал к утюгу и отдернул. Утюг зашипел, как ужаленный.

– Монет не дам. Он теплый, а от жара ткань должна хрустеть.

– Хрустела корка хлеба, что я пек жене виконта, кровь его праху. Тебе я глажу джинсы. В них суставы хрустят, а не ткань.

– Ну, твои хрустят, как у иссохшего вампира, точно. Всё ты делаешь со скрипом. Я ж терплю. Благодарю, что взял тебя после виконта. Кем ты был тогда? Уволю, выселю – и снова ты никто.

Старик смотрел перед собой остекленевшим взглядом. Отец не унимался:

– Вообще, что на тебе надето?! Ты – слуга законодателя вампирских мод. Ну-ка превратим твой жухлый балахон в крутое пончо. Два взмаха ножом – и готово, как с джинсами.

В глазах Шахрукха выступили слезы. Я бросилась к нему:

– Дедушка хороший! Нам самим одежды не хватает, а ты целую кромсаешь ради кровопийц. Они клыками машут – ты ножом. Все повадки у них перенял. Мерзопакостно!

Отец остолбенел. И сник.

– Ну-ну, не плачь, – он тронул стариковское плечо. – Что там с женой виконта? Померла? Зачем же он ее живой оставил?

– Ему запретили ее обращать.

Слеза скатилась на губу Шахрукха, он слизнул, скривив беззубый рот.

– Говорят, любил жену, – сказал отец.

– В своем роде: пил ее и с нею спал.

– А что она?

– Ее виконту девочкой отдали. Я следил, как становилась женщиной. Мы с ней ровесники. Красавицей была. Мой хлеб любила. Повзрослела – полюбила своего вампира так высоконравственно, что даже не пыталась отговаривать от суицида. Он стал прахом, а она мне не досталась.

Отец кивнул, немного постоял и скрылся в лавке.

– Извините его за придирки, – сказала я Шахрукху. – Он о работе заботится.

Старик вздохнул:

– Утюг остынет, – взял за рукоять чугунную болванку и понес на угли, приговаривая: – Вампиры не живут и могут не работать. Люди могут жить и не работать. Я, если не работаю, то не живу, – он обернулся, изумленный: – Выходит, я твой брат?

– Потому что мой отец дает вам жизнь?

– Умная девочка, – и нареченный брат Шахрукх мне улыбнулся дряблыми губами.

Я, засмеявшись, убежала в дом. Отец пропал. Я не нашла его ни в лавке, ни в квартире, ни в цеху. Не удивилась: его пристыдил восемнадцатилетний ребенок, да еще при посторонних. Это надо суметь пережить. Я зашла в гараж: машины не было – уехал.

Три дня прошли в неведении. На четвертый, поздним вечером, отец вошел и разбудил меня: «Вставай, ты мне нужна». Нужна ему. В последний раз я слышала такое в золотую пору, когда мы шили вещи для людей за медные монетки. Я вскочила, стала одеваться.

– Оставь свое сари, – отец протянул мне футболку и рваные джинсы, – наденешь вот это.

Я почувствовала, как земля уходит из-под ног. Ступая над бездной, я добралась до отца за четыре шага по прямой. Он покинул комнату, едва отдав одежду. Как она оказалась на мне – не помню.

Коленки, округлившиеся за прошедшие три года, розовели под красной разодранной тканью. Джинсы облегли широкие бедра. Грудь просвечивала через белую футболку. Я нужна была отцу такой.

Он ждал за рулем. Поехали молча. Воспоминания трехлетней давности подсказывали мне дорогу. «Меня везут сватать, – думал кто-то во мне, но не я. – Как я этого боялась и ждала, не веря! Неужели сегодня? сейчас? Значит, взрослая. Буду жить с графом. Он хороший, не посмеет обратить в вампиршу против моей воли. А я против! Я не изменница

людям! И хочу детей. Вампиры не рожают, – очнулась: – Я стану женою вампира. Счастливая я!»

Граф нас встретил на крыльце, в футболке, в шортах по колено. На поклон ответил: «Прошу, так сказать...» – и мы втроем прошли в гостиную.

В ней горели все люстры и бра. Свет был ярче солнца в летний полдень на вершине Канченджанги. Граф широким жестом пригласил нас к сервированному на троих столу. Они с отцом заговорили. Я тем временем осматривала мою будущую залу: золотой сервиз перед собой, мозаику паркета, позолоченные барельефы, зеркала на белых стенах, темноту за окнами. Но особенно – картины о любви мужчин-вампиров и прекрасных дев. На всех изображениях в порыве страсти вампиры убивали либо обращали дев. Я не боялась. Настоящее искусство предназначено уничтожать опасные желания, а не разжигать. Самим присутствием полотна выдавали самообладание их владельца. Я вслушалась в речь графа.

– Три года дырки в твоих джинсах продаем, три раза по столько же будем, – говорил он отцу. – Накопишь гору серебра. Поменяем на золото. Это почти невозможно, но я помогу. Мне половину.

Граф кивнул на меня:

– Смотрю, на ней красные джинсы. Новый товар. Неплохо смотрится на девственницах. Предложим как одежду для нетронутых людей – для тех, кто впервые колени свои предлагает. Надо вдохновлять вас, человечки, отдавать свое богатство.

Я услышала себя:

– Вы – вампиры. Вы можете силой взять всю нашу кровь.

– У нас за такое сажают на кол осиновый. Даже мне нельзя вас ни убить, ни обратить без высшей санкции. Хотя убить обоих безопаснее, чем одного надкусывать, – он посмотрел на меня, я застыла под огненным взглядом. – Каждый новообращенный – это стертый в прах бывалый. Тело за тело, лишние нам не нужны. Я не лишний, я – граф. А почему? Умею держать клыки за губами. Мертвые плодиться не должны, чтоб не иссякла кровь живых. Ваше здоровье, – он отпил из золотого кубка.

– Найдется ли в мире вампиров местечко для нас? – проговорил отец.

– На серебряных приисках. Вы добываете металл, а мы владеем. Серебро под защитой наших клыков, как и всё в этом мире. И так будет вечно. Ты-то сам устроился неплохо. Сколько нам продал? Думаю, дочь ни о чем и не знает.

Я не понимала графа.

– И ради чего? Тебе вечным не быть. Красавицу свою пристроить хочешь? – он обратился ко мне: – Выйди-ка на середину залы.

Я повиновалась.

Встав из-за стола, граф шел ко мне в сиянии гостиной, один-единственный среди зеркал. Передо мною опустился на колено. Я похолодела. Взмахнул рукой отцу, тот щелкнул выключателем, свет умер. Темнота за окнами зажглась неоновыми сумерками.

Я стояла в неоновом свете. Языком, клыков не выпуская, граф провел по моему колену. Я похолодела.

– Не бойся, не укусит, – откуда-то крикнул отец. – Он изучает поведение наших покупателей.

Тонкие пальцы вампира проникли в отверстие в джинсах. Граф дернул. С хрустом ткань оторвалась. Граф оголил мою вторую ногу до колена.

Он целовал мои колени, икры. Меня затрясло.

– Папа... – только и могла я прошептать.

Сильней, активнее вампир облизывал меня. Всасывал с силой коленную чашечку, до онемения. Меня колотило.

Клыки вонзились под мою коленку. Я взвизжала, жмурясь так, что у меня свело глазные яблоки. Эхо под сводами преумножало мой визг.

Клыки впивались глубже, резче. Я распахнула глаза и кричала. Отец возник из тьмы, ударил графа в голову тяжелым бра. Повторно. Граф сорвался с моего колена и упал на локоть, захрипел. Отец опускал бра на голову снова и снова. Граф схватил свободной рукой его за горло. Что-то блеснуло в отцовой руке. Мертвая хватка сжималась на шее отца. В открывшуюся рану в голове вампира пальцами он погружал сверкающий кружочек. Серебряную рупию.

Черные прожилки взбухли на лице вампира. Побежали по плечам, на руки под коротким рукавом, на ноги в шортах. Чернота с прожилок ровно растеклась по бледной коже, за мгновение испепелила тело графа, и от головы каскадом прах осыпался на гладь паркета и расплылся у меня в глазах.

Я помню боль удара головой об пол.

Очнулась я от рева двигателя.

– Что ты наделал?! Что ты наделал?! – я билась под тугим ремнем переднего сидения машины.

– Он бы нас убил, как только вышел из экстаза и узнал, что обратил тебя.

Машина неслась по равнине на светлый ночной горизонт.

– Я вампирша?! Говори, вампирша, да?

– Сутки еще проживешь.

– Я не хочу так умирать. Хочу от старости, как дед Шахрукх.

– Шахрукх?! Да он лжет и себе и другим. Он был бы счастлив, если бы виконт куснул его. Жена виконта помешала. Санкцию вампиру дали на единственное обращение. Сам он видел обращенными обоим – и Шахрукха и жену. Метался между ними. Чтобы прекратить мучения, высушил себя. Дурак!

– Куда мы едем?

– Домой. Никто не знает, что вампирчик вел дела со мной. Из Индии он джинсы контрабандой вывозил.

– У меня не будет детей! – я задохнулась в слезах.

– Не велика цена, – отец крутил кровавыми руками руль. – Ты получила вечность. Главное – нам легализоваться в городе, в любом. Сейчас распродаем товары в резервации, сгребем серебро и убираемся подальше. Обменяем серебро на золото. Я знаю где. А там и меня обратишь, я столько для этого сделал!

– Я тебя ненавижу... – мой выдох растворился в реве двигателя.

Оставшийся путь я лежала на кресле без сил. Колено едва ныло.

Шахрукху достаточно было взглянуть на него, чтоб вскричать:

– Ты знал, что так и будет! Признавайся! Ты же предал дочь.

Отец меня брал на руки с сидения машины:

– Кто бы говорил! Тот, кто позволил своему вампиру сохнуть, но своей любимой право быть укушенной не отдал.

– Это правда? – спросила я.

– Он повторяет слухи, девочка, – Шахрукх бежал за нами в дом. – Виконт не обратил нас, чтоб не обречь на то, на что отец обрек тебя. Хозяин угасал годами. Он устал существовать и под конец возненавидел и себя, и клан. Уф... Клан принуждал его кусать жену. Виконт предпочел запереться в подвале, иссохнуть без крови, но жизнь... уф... сохранить. Да будет память о нем... уф... – дед задыхался на ступенях лестницы, – вечно!

– А твоя любимая?

Шахрукх отстал. Отец донес меня до комнаты и уложил в кровать.

– Она не вмешивалась, – прокричал Шахрукх из-за двери. – Видела, как муж не выносил показываться днем на улице... уф... вот в этом самом балахоне, в маске с прорезью, в солнцезащитных очках, как робел перед кланом. Фу. Поняла, что человеком чувствует себя надежнее, – дед появился на пороге. – Вампиры несвободны и слабы. Они рабы людей, их слабость – в их клыках. Боятся привязаться к людям, друг за другом из-за этого следят.

Шахрукх присел на стул.

– Они следят друг за другом, – повторил он отцу. – Они знают о тебе. Беги. Ты здесь не спрячешься. Освободи нас от отравы: бери серебро и беги.

– А джинсы? – отец был напуган.

– Людям продадим за медь, – сказала я.

– Лишь те, которых не коснулся взмах ножа. Изрезанные предадим угольям. Не перечь! – прикрикнул Шахрукх на отца. – Ты принес к нам яд вампиров. Я не стану еще больше развращать людей вампирской модой.

Отец уехал почти сразу. Раздув с Шахрукхом угли, мы на них свалили порванные по последней моде джинсы и стояли молча в ожидании огня. Жар долго пробирался через гору ткани. Наконец у края вспыхнул язычок, подрос, вскарабкался к вершине, множась, захватил ее – и запылал пожаром, в пламени которого горела тихо, заживо моя дочерняя любовь.

Костер до утра освещал задний двор мастерской. Поутру Шахрукх встал за прилавок, я, прихрамывая, обежала жителей с известием об открытии лавки, и толпы людей с медяками ее осаждали до ночи. Я провела это время закопанной в землю и чувствуя, как ее холод становится частью меня.

Сородичи пришли за мною за полночь. Я поселилась в городе. Отца схватили и казнили через считанные дни. Его серебро не нашли. Шахрукх скончался много лет спустя, моим слугой. Я предлагала его обратить официально, но он отказался.

– Увековечь меня в рассказе о себе, – сказал он перед смертью. – У тебя получится. Ведь ты прекрасно пишешь сказки детям.